

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). В беседе с нашим корреспондентом Л. Б. КАМЕНЕВЫМ сообщал о новой серии книг, начатой «Академией» по инциденте А. М. ГОРЬКОГО. Это — серия книг ПО ИСТОРИИ ГОРОДОВ СССР. В первую очередь намечено выпустить историю Казани, Рязани, Тифлиса, Нижнего Новгорода, Архангельска, Пскова, Новгорода, Псковской области. Затем выйдет история Москвы и Ленинграда. Главный редактор — профессор В. А. ДЕСНИЦКИЙ.

Весной 1935 г. — сообщил танк Л. Б. Каменев, — выйдет девятитомное издание «МАЛЕНЬКОГО ПУШКИНА» — полного комментированного собрания сочинений карманного формата.

Литературная газета

ОРГАН ОРГКОМИТЕТА СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР в РСФСР

ДОД РИДАКТИВА **БАГРИЦКОГО** А. ВОЛЧИНСКОГО
М. КОЛЬПОВА, В. ЛИДИНА, А. СЕЛЯНОВОГО, М. СЕЛЬВИНСКОГО
М. СУБОЦКОГО, М. СЕРЕГРАНСКОГО, М. ЧАРНОГО, В. ГОСЕВИЧ

№ 95 (411)

28 ИЮЛЯ 1934 ГОДА.

ВЫХОДИТ ЧЕРЕЗ ДЕНЬ

ВСЕСОЮЗНЫЙ СЕЗД — СЕЗД РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ МИРА

Дневник литературной газеты

28 Вопрос о работе с молодыми авторами неслучайно включен в порядок дня всесоюзного съезда писателей. Известно, какое большое значение придает этому А. М. Горький:

Это обвязывает все литературные организации и всю общественность сердечно пристмотреть к практике литературно-массового движения. Молодые писатели нашей страны смогут рабочего съезду многочисленными книгами, немало литераторов приходит к съезду с краем склоненным и культурно высоким активом, наложив, создание лицея им. М. Горького увенчает систему развернутой работы с молодежью.

Ничто не имеет нам права для благоустройства успокоенности — перед нами еще большие трудности. Товарищи, начинаящие литературу, не всегда отдают себе отчет во всей сложности писательского труда. Нередко молодой автор ошибается, перепечиняя свой талант, и не представляет, какими обширными знаниями должен обладать наш писатель, сочетающим высокую культуру с большим художественным мастерством.

Однако в литературно-массовом движении есть товариши, готовые быть в тумбасы по поводу первого стихотворения начинаящего, а на втором стихотворении помнить автора «на шее», топая в море комплиментов общие советы «работать над собой». Выдвижение талантов из гущи масс эти юноши склонны рассматривать не как естественный в наших условиях факт, а как собственный достижение, на котором можно успокоиться, хотя на самом деле только тут-то должна начаться работа.

Прикрывая восторгами перед количественным ростом литераторов свое неумение или нежелание вести труженную работу по воспитанию кружков, благоустроенные болтуны портили молодняк, придавали ему очночные и временные представления о «легкости» писательского труда.

Литератор, который увлекается «серьезным» произведением писателей, не только не выполняет задачи воспитания литературы, но и не выращивает культурного читателя. Всё нередко кружков, разочарованный в своих спиральных надеждах, «обижается на литературу» и вовсе перестает читать.

Как могло случиться, что здорово в целом движение создает еще таких неудачников? Это происходит, когда литератор забывает неустранно, по-видимому, введение сознание **гигантской ответственности и сложности** литературного труда. Особенный вред наносит механическое насаждение литератору, чуть ли не административными методами. Ведь необходимо же, что кое-где товариши, записавшиеся в кружок, но не пишущие, подвергли «проработке»!

Вполне нарезла та перестройка, которая вводит литераторов в общую систему всей культурной работы

ИСКУССТВО И РЕВОЛЮЦИЯ

Редакция «Литературной газеты» обратилась к ряду иностранных писателей и критиков с просьбой высказать по некоторым вопросам современной литературы и искусства. В частности внимание иностранных писателей и критиков было обращено на три вопроса:

1. Роль мировоззрения в художест-

венный литературе и познавательной ценности литературы.

2. Какие проблемы литературы являются в данное время наиболее значительными?

3. Какие явления советской литературы и советского искусства заинтересовали иностранного писателя и стимулировали его творчество.

Ниже мы помещаем ответ, полученный нами от **ДЖОЗЕФА ФРИМЕНА**, критика-коммуниста, одного из редакторов американского революционного журнала «Нью Массес».

В последующих номерах будут опубликованы остальные ответы, в том числе и буржуазных авторов.

ОТВЕТ НА АНКЕТУ

У каждого человека имеется свое мировоззрение. Оно может быть наивным, неорганизованным, отрицательным по последней степени; но оно все же существует. Мировоззрение есть сумма взглядов человека на мир, на общество, в котором он живет, на себя самого в соотношении с этим обществом. И не было еще человека, который жил бы на свете, не реагируя так или иначе на свою среду. У большинства первобытных людей это мировоззрение пассивно; оно есть отголосок общепринятых и организованных взглядов общества, представленного религией и государством. У большинства же развитых людей мировоззрение активно; оно стройно, связно, порой органичально. В каждом случае мировоззрение человека определяется уровнем окружающего его общества в сфере экономики, политики, культуры; в каждом случае оно определяется классом, к которому он принадлежит, и во всех случаях господствующее мировоззрение есть мировоззрение господствующего класса.

Тема, которую человек выбирает для своей книги или пьесы, персонажи, которых он берет в героя или злодея, нравственные мерки, о которых он подходит к оценке людей и событий, определяются ценностями, составляющими его мировоззрение, и прежде всего мировоззрение его класса. На всем протяжении истории литературы никому не приходило в голову отрицать эту простую, очевидную истину. Ильин, будто существует такая вещь как искусство для искусства, оторванное от специфических классовых взглядов, созданы детьми крупной и мелкой буржуазии, разочарованной результатами буржуазной революции. И самая теория, что искусство может существовать без мировоззрения, есть результат определенного мировоззрения.

Что же касается познавательной ценности литературы, то я думаю, что мы можем разбить литературу каждого класса и каждой эпохи на абстрактную и конкретную. Специальность литературы — видеть конкретное, как дело науки — видеть общее. По этой причине в Соединенных штатах мы, узкая на Октябрьской революции, ее грандиозном общем ходе из книг и брошюр Ленина, Сталина и других большевиков, с нетерпением ждали книг ваших авторов и романов, которые попытались открыть для нас новый мир, новый социальный, изобразительный аспект. Этим способом подходит знаменует два способа подхода к искусству: один — путем восприятия, но оба они корениются в одном и том же мировоззрении — в мировоззрении революционного пролетариата.

В наши дни значение литературных и художественных проблем зависит от того, какая страна имеется в виду.

В Мексике, например, убедился, что в это время как революция и контрреволюция оказывают влияние на живопись, литература очень мало заинтересована этими явлениями. Там встает элементарная проблема: развитие групп писателей с коммунистическими мировоззрениями, которые дали бы нам естественную среду.

Лишь в 1926 году, когда я поглядел в глаза Майка Годда и я, в газете многих лет отдававшегося только писательской деятельности, то я увидел, что жизнь, искусство и революция — не три отдельные вещи, но три аспекта одной и той же вещи. Дилемма была, однако, такова, что я в течение нескольких лет ограничивался только писанием критических статей и совсем перестал писать стихи, хотя это было мое естественная среда.

Лишь в 1926 году, когда я поглядел в глаза Майка Годда и я, в газете многих лет отдававшегося только писательской деятельности, то я увидел, что жизнь, искусство и революция — не три отдельные вещи, но три аспекта одной и той же вещи. Дилемма была, однако, такова, что я в течение нескольких лет ограничивался только писанием критических статей и совсем перестал писать стихи, хотя это было мое естественная среда.

Лишь в 1926 году, когда я поглядел в глаза Майка Годда и я, в газете многих лет отдававшегося только писательской деятельности, то я увидел, что жизнь, искусство и революция — не три отдельные вещи, но три аспекта одной и той же вещи. Дилемма была, однако, такова, что я в течение нескольких лет ограничивался только писанием критических статей и совсем перестал писать стихи, хотя это было мое естественная среда.

Лишь в 1926 году, когда я поглядел в глаза Майка Годда и я, в газете многих лет отдававшегося только писательской деятельности, то я увидел, что жизнь, искусство и революция — не три отдельные вещи, но три аспекта одной и той же вещи. Дилемма была, однако, такова, что я в течение нескольких лет ограничивался только писанием критических статей и совсем перестал писать стихи, хотя это было мое естественная среда.

Лишь в 1926 году, когда я поглядел в глаза Майка Годда и я, в газете многих лет отдававшегося только писательской деятельности, то я увидел, что жизнь, искусство и революция — не три отдельные вещи, но три аспекта одной и той же вещи. Дилемма была, однако, такова, что я в течение нескольких лет ограничивался только писанием критических статей и совсем перестал писать стихи, хотя это было мое естественная среда.

Лишь в 1926 году, когда я поглядел в глаза Майка Годда и я, в газете многих лет отдававшегося только писательской деятельности, то я увидел, что жизнь, искусство и революция — не три отдельные вещи, но три аспекта одной и той же вещи. Дилемма была, однако, такова, что я в течение нескольких лет ограничивался только писанием критических статей и совсем перестал писать стихи, хотя это было мое естественная среда.

Лишь в 1926 году, когда я поглядел в глаза Майка Годда и я, в газете многих лет отдававшегося только писательской деятельности, то я увидел, что жизнь, искусство и революция — не три отдельные вещи, но три аспекта одной и той же вещи. Дилемма была, однако, такова, что я в течение нескольких лет ограничивался только писанием критических статей и совсем перестал писать стихи, хотя это было мое естественная среда.

Лишь в 1926 году, когда я поглядел в глаза Майка Годда и я, в газете многих лет отдававшегося только писательской деятельности, то я увидел, что жизнь, искусство и революция — не три отдельные вещи, но три аспекта одной и той же вещи. Дилемма была, однако, такова, что я в течение нескольких лет ограничивался только писанием критических статей и совсем перестал писать стихи, хотя это было мое естественная среда.

Лишь в 1926 году, когда я поглядел в глаза Майка Годда и я, в газете многих лет отдававшегося только писательской деятельности, то я увидел, что жизнь, искусство и революция — не три отдельные вещи, но три аспекта одной и той же вещи. Дилемма была, однако, такова, что я в течение нескольких лет ограничивался только писанием критических статей и совсем перестал писать стихи, хотя это было мое естественная среда.

Лишь в 1926 году, когда я поглядел в глаза Майка Годда и я, в газете многих лет отдававшегося только писательской деятельности, то я увидел, что жизнь, искусство и революция — не три отдельные вещи, но три аспекта одной и той же вещи. Дилемма была, однако, такова, что я в течение нескольких лет ограничивался только писанием критических статей и совсем перестал писать стихи, хотя это было мое естественная среда.

Лишь в 1926 году, когда я поглядел в глаза Майка Годда и я, в газете многих лет отдававшегося только писательской деятельности, то я увидел, что жизнь, искусство и революция — не три отдельные вещи, но три аспекта одной и той же вещи. Дилемма была, однако, такова, что я в течение нескольких лет ограничивался только писанием критических статей и совсем перестал писать стихи, хотя это было мое естественная среда.

Лишь в 1926 году, когда я поглядел в глаза Майка Годда и я, в газете многих лет отдававшегося только писательской деятельности, то я увидел, что жизнь, искусство и революция — не три отдельные вещи, но три аспекта одной и той же вещи. Дилемма была, однако, такова, что я в течение нескольких лет ограничивался только писанием критических статей и совсем перестал писать стихи, хотя это было мое естественная среда.

Лишь в 1926 году, когда я поглядел в глаза Майка Годда и я, в газете многих лет отдававшегося только писательской деятельности, то я увидел, что жизнь, искусство и революция — не три отдельные вещи, но три аспекта одной и той же вещи. Дилемма была, однако, такова, что я в течение нескольких лет ограничивался только писанием критических статей и совсем перестал писать стихи, хотя это было мое естественная среда.

Лишь в 1926 году, когда я поглядел в глаза Майка Годда и я, в газете многих лет отдававшегося только писательской деятельности, то я увидел, что жизнь, искусство и революция — не три отдельные вещи, но три аспекта одной и той же вещи. Дилемма была, однако, такова, что я в течение нескольких лет ограничивался только писанием критических статей и совсем перестал писать стихи, хотя это было мое естественная среда.

Лишь в 1926 году, когда я поглядел в глаза Майка Годда и я, в газете многих лет отдававшегося только писательской деятельности, то я увидел, что жизнь, искусство и революция — не три отдельные вещи, но три аспекта одной и той же вещи. Дилемма была, однако, такова, что я в течение нескольких лет ограничивался только писанием критических статей и совсем перестал писать стихи, хотя это было мое естественная среда.

Лишь в 1926 году, когда я поглядел в глаза Майка Годда и я, в газете многих лет отдававшегося только писательской деятельности, то я увидел, что жизнь, искусство и революция — не три отдельные вещи, но три аспекта одной и той же вещи. Дилемма была, однако, такова, что я в течение нескольких лет ограничивался только писанием критических статей и совсем перестал писать стихи, хотя это было мое естественная среда.

Лишь в 1926 году, когда я поглядел в глаза Майка Годда и я, в газете многих лет отдававшегося только писательской деятельности, то я увидел, что жизнь, искусство и революция — не три отдельные вещи, но три аспекта одной и той же вещи. Дилемма была, однако, такова, что я в течение нескольких лет ограничивался только писанием критических статей и совсем перестал писать стихи, хотя это было мое естественная среда.

Лишь в 1926 году, когда я поглядел в глаза Майка Годда и я, в газете многих лет отдававшегося только писательской деятельности, то я увидел, что жизнь, искусство и революция — не три отдельные вещи, но три аспекта одной и той же вещи. Дилемма была, однако, такова, что я в течение нескольких лет ограничивался только писанием критических статей и совсем перестал писать стихи, хотя это было мое естественная среда.

Лишь в 1926 году, когда я поглядел в глаза Майка Годда и я, в газете многих лет отдававшегося только писательской деятельности, то я увидел, что жизнь, искусство и революция — не три отдельные вещи, но три аспекта одной и той же вещи. Дилемма была, однако, такова, что я в течение нескольких лет ограничивался только писанием критических статей и совсем перестал писать стихи, хотя это было мое естественная среда.

Лишь в 1926 году, когда я поглядел в глаза Майка Годда и я, в газете многих лет отдававшегося только писательской деятельности, то я увидел, что жизнь, искусство и революция — не три отдельные вещи, но три аспекта одной и той же вещи. Дилемма была, однако, такова, что я в течение нескольких лет ограничивался только писанием критических статей и совсем перестал писать стихи, хотя это было мое естественная среда.

Лишь в 1926 году, когда я поглядел в глаза Майка Годда и я, в газете многих лет отдававшегося только писательской деятельности, то я увидел, что жизнь, искусство и революция — не три отдельные вещи, но три аспекта одной и той же вещи. Дилемма была, однако, такова, что я в течение нескольких лет ограничивался только писанием критических статей и совсем перестал писать стихи, хотя это было мое естественная среда.

Лишь в 1926 году, когда я поглядел в глаза Майка Годда и я, в газете многих лет отдававшегося только писательской деятельности, то я увидел, что жизнь, искусство и революция — не три отдельные вещи, но три аспекта одной и той же вещи. Дилемма была, однако, такова, что я в течение нескольких лет ограничивался только писанием критических статей и совсем перестал писать стихи, хотя это было мое естественная среда.

Лишь в 1926 году, когда я поглядел в глаза Майка Годда и я, в газете многих лет отдававшегося только писательской деятельности, то я увидел, что жизнь, искусство и революция — не три отдельные вещи, но три аспекта одной и той же вещи. Дилемма была, однако, такова, что я в течение нескольких лет ограничивался только писанием критических статей и совсем перестал писать стихи, хотя это было мое естественная среда.

Лишь в 1926 году, когда я поглядел в глаза Майка Годда и я, в газете многих лет отдававшегося только писательской деятельности, то я увидел, что жизнь, искусство и революция — не три отдельные вещи, но три аспекта одной и той же вещи. Дилемма была, однако, такова, что я в течение нескольких лет ограничивался только писанием критических статей и совсем перестал писать стихи, хотя это было мое ест

Хевсурская корова

(Отрывок из поэмы)

О тебе, корова, приносят моленья,
Ты благословлена старейшинами
роды.
Горы превратила ты в тюрымы для
септимий.

От цепей вдата не спасла народы.
Это для тебя же горы клонят плечи,
Как на мати, взирают незаконно.
Кость даешь ты людям, для письмен-
ной речи.

По костиам поплаток читают предка-
занья.

Не блуждать стадам твоим в тумане,
Это небо блещет небесвратами,
Будто шамшины ожили преданы.
Тучи рвут Кавказ с себя, яростный,
ветреный.

Эти два начала неравной силы,
Сыр и молитва, с тобой живут покор-
но,

Ты паствах законы положила,
Людей содинника в общине горной.
Маленький коровы — преданы
хвостами,

Очага кормильца, семьи основа,
По лугам альпийским, пасется хмуро,
Хевсурской породы, мелким коровы.
Наполовину же в славе маслом кроются,
Славу коровы ты поделила старинных,
Обычая дикое из быта изгони ты,
Погромы собою коров долни.

Горцу ведь не весело от хлеба су-
хого,

Обрадуй его маслом, жирным, жел-
тым,

Думы гор в долину убегают сновы,
Оттого что сканы темны и голы.

Ждут коровы, где же, когда же
Ступу сепаратора радиовать будут,
Чище звезд на бледо масла пляжет,
Так что будут любоваться люди.

Пускай на машиной про克莱те
хвосты,

Калинолом виснет треснувшим с го-
дами,
Ныне, как бедняк, взявший место
первое,

Хевсурская коровы себя оправдает.

Подражая Рубенсу, явит в самом
деле,
Деревни погонокрове, не бурой, не
хмуровой,

Звен сепараторов услышат, как
хотели,
Хахматы, Борисахо и Гуро.

Так по склону от деревни Рошки,
Подымется стадо, мыча без испуга,
Придет из башни Гуро паствах осто-
рожный.

Подойдут быки к нему, как к ста-
рому другу.

Масла явление, сыра, молока ли,
Даёт все хевсуро трудов в завер-
шении,

К городу мычанье шло новыми пол-
ми,

Город зашагал сам настручу с сум-
щины.

Сено увидел город, очаги, бакины,
Как машина рокот по округу множит,
Узнав цветы он, паствах по скло-
ну,

Старого села лишь узнать он не
может.

Перевернут край, хевсуро не узнать
уж.

От коров довольство, от коров ве-
селье,
Бык заревел, как Манфред, особых
статей,

Эхо катит, рев тот громом по щуще-
лии.

Перевел с грузинского

Н. ТИХОНОВ.

* * *

В школах Хевсуретии до послед-
него времени писали на коровьих ко-
стях.

Выход двух полутомов «Литератур-
ного наследства»¹), посвященных
творчеству Шедрина — выдающиеся
события в области разработки на-
следства великого сатирика и факт
культурного значения в советском лите-
ратурописании.

Только с выходом этих сборников
становится очевидной та фальсифи-
кация шедринского наследства, кото-
рую проводило буржуазное литерату-
роведение, издавая в 1905—6 гг.
при «Ниве» якобы «Полное собрание
сочинений» Шедрина. В это «полное»
собрание сочинений не входили пись-
ма, публицистические и критические
статьи Салтыкова.

Буржуазно-либеральная критика
замалчивала богатейшее наследство
бесплатного обничителя дворянско-
буржуазного строя.

Этот факт сам за себя говорит о
многом.

Только советское литературоведе-
ние приступило к полноценному изучению
наследства Шедрина, так как
только мы заинтересованы дать
массам полностью сочинения велико-
го сатирика, «растолковывая» их с
позиций марксизма-демократии.

О новых материалах Шедрина, опубликованных в I полутоме, уже
говорилось в «Лит. газете». Мы
коротко затронем содержание II полу-
тома и главное, охарактеризуем исто-
рико-литературные статьи сборников,
поскольку в статье Я. Эльсберга они
освещены или недостаточно, или не
верно.

Второй полутом по сравнению с
первым более узок, в нем собран
большой фактический материал —
текстологические, биографические,
ленинские, эпиграфические и библи-
ографические публикации, обзоры и
сообщения, — полезные для исследо-
вателей творчества Шедрина.

Обратят внимание исследователя
творчества Шедрина следующие пу-
бликации второго полутома: работы
по истории текста «Сатир в прозе»
(Б. М. Эйхенбаум); «История неиз-
вестенного письма «Культурных иде-
й» (Л. И. Венеслер); «Новые мате-
риалы о сотрудничестве М. Е. Сал-
тыкова-Шедрина в «Современнике»;

¹⁾ «Литературное наследство»
№ 11—12. Шедрин I полутом, 692
стр. Шедрин № 13—14. II полутом,
708 стр. Жур.-газ. обедин. Москва.

Я. Эльсберг, «Новые страницы
Шедрина», № 1, Г., № 63.

О. Кузнецова

ВРАГ ПОД
МИКРОСКОПОМ*

Общеизвестно, что всякой рода
сведения из области науки и техни-
ки, высказываемые через героя,
имеющего прямительную суть, в
востримаются certain (также и
старого возраста) с увеличением и
без скуча. Поэтому, чтобы юного чи-
тателя заняться разработкой какими-ни-
будь научными достижениями, их
образно говорить, надо поставить на
воги и заставить размахивать рука-
ми.

Новость о Луи Пастере «Враг под
микроскопом» сделана именно на
этот учете детских требований в
книге. Научные идеи в новести пер-
сонифицированы. Сделать это было
тем более легко, что имя Пастера
само за себя говорит. Ведь научная
деятельность этого гениального уч-
ченого проходила в «ласищенной» ар-
хитектуре.

И лишь на краине востоке от Со-
единенных штатов и их капиталисти-
ческих подражателей, в стране, рас-
кинувшейся на пятую часть земной
сушки, в германской роще рабочих
и крестьян расцветают новые, неви-
данные и недостижимые при капита-
лизме возможности архитектурного
творчества. Там, в этой стране, где
живутся все методы, оправдываю-
щиеся всеми, совершенствуются на
практике проверки, приговки и соп-
товария всех предыдущих достич-
жений человеческих в архитектуре.
Сколько это пыльная и не всегда бле-
годарную работу уже начинает всту-
пать в практику для новых городов,
отражавший на классических наградах
столицы, а также и не классическую про-
тиворечия, а социалистическую пла-
нировку. Лучшим и вернейшим при-
знаком поражения западной капитали-
стической архитектуры является
все возрастающая дорожная инфра-
структура, или же увеличение статической
и динамической нагрузки
на материал и необходимость его
облегчения, или, наконец, между не-
достаточной шириной улиц и высотой
зданий. В неустанных попытках
превозмогать неразрешимость этих про-
тиворечий создавалась блестящий
архитектурный стиль современной
Америки.

Небоскребы Манхэттена в два и
в три раза выше пирамид. Подняв-
шись на вершины своих сооружений,
американские архитекторы могут
сверху вниз смотреть на всю про-
дленную человеческой историей строин-
тельного искусства.

Историческое значение американ-
ского архитектурного стиля опреде-
ляется тем, что он сумел стать сти-
лем всех передовых стран. Европа
устынилась своего застарелого ар-
хитектурного и отвернулась от него. Ей,
правда, некуда девать обезображен-
ных улиц и площадей, но она рас-
сматривает их уже не как свою вч-
ерашнюю день, а как остатки варвар-
ской старины. Она американизиро-
вала свои промышленные сооруже-
ния и с похвальной дерзостью нача-
ла переносить геометрические прин-
ципы нового архитектурного стиля
Америки на усыновленец. Последние
открыли легендарных дворянок и
богатых аристократов на своих мало-
этажных домах. Они оказались не
только удачными, но и плодотворными.
Разница в числе этажей избавила
европейских архитекторов от непро-
стительного порока подражательства.

Исторический Нос, ступивший
после недолгого заключения на Эллис-

Айленд — Остров Слез, на бетонирован-
ную и гидропиренную почву
Манхэттена, с удивлением и волне-
нием наблюдал развернувшуюся перед
ними панораму. Архитектура больших
прибрежных городов Южной Америки
изучает опыт и успехи Советского союза в области зодчества
и европейской строительной культуры.

Глубокий интерес в советской архитектуре проявлялся даже для
восточных народов. Архитекторы
СССР изучают опыт и успехи Советской
архитектуры, вспоминая о ее открытии
и открытии в открытии, призвать право-
вую своих научных достижений.

Автору удалось показать не только
полную напряженности борьбу
Пастера с возбудителями болезней —
микробами (враг под микроскопом),
но и скхватки его с костной врачебной
средой, удивляющей по нововведению
и гениальности архитектурного
творчества. Там, в этой стране, где
живутся все методы, оправдываю-
щиеся всеми, совершенствуются на
практике проверки, приговки и соп-
товария всех предыдущих достич-
жений человеческих в архитектуре.
Сколько это пыльная и не всегда бле-
годарную работу уже начинает всту-
пать в практику для новых городов,
отражавший на классических наградах
столицы, а также и не классическую про-
тиворечия, а социалистическую пла-
нировку. Лучшим и вернейшим при-
знаком поражения западной капитали-
стической архитектуры является
все возрастающая дорожная инфра-
структура, или же увеличение статической
и динамической нагрузки
на материал и необходимость его
облегчения, или, наконец, между не-
достаточной шириной улиц и высотой
зданий. В неустанных попытках
превозмогать неразрешимость этих про-
тиворечий создавалась блестящий
архитектурный стиль современной
Америки.

Сокрушительный Нос, ступивший
после недолгого заключения на Эллис-

Айленд — Остров Слез, на бетонирован-

ную и гидропиренную почву
Манхэттена, с удивлением и волне-
нием наблюдал развернувшуюся перед
ними панораму. Архитектура больших
прибрежных городов Южной Америки
изучает опыт и успехи Советского союза в области зодчества
и европейской строительной культуры.

Главный недостоинств автора состо-
ит в том, что он не умеет показать
Пастера вне пределов его науки. Спе-
циально Пастер у автора очень рас-
плющивает, а его заудио-архитектурный
облик (вне пределов науки), утверж-
даемый в последнем повести, мало
чтобы подкреплен в самой повести.

Кроме того очень спорен тот при-
ем, которым автор пытается рисовать
характеры: через речь героев. При-
том через заплетающуюся речь. Та-
ков лавочник Фон, профессор Ба-
ров, таков местами и сам Пастер.
Это очень однообразно и к тому же
николько не помогает делу.

A. B. B.

Летиця, Ленинградское отд., 1934,
стр. 222, тир. 20325, п. 1 р. 50 к.

ЦВЕТЫ ГУДЗОНОВА УСТЬЯ

Борис Кушнер

Из книги «Эллис Айленд — Остров Слез»

О. Кузнецова

ВРАГ ПОД
МИКРОСКОПОМ*

Обитатели двух домов заключи-
ли, которые расположены на острове
Эллис Айленд в устье Гудзона,
каждое утро во время полувечерней
 прогулки встречаются лицом к лицу с великолепными небоскребами главного
 нового нью-йоркского острова Манхэттен.

Гостиница Вальдорф-Астория по-
хожа на перламутровую раковину.

Парамount-кино сухостью фор-
ма уступает Фараоновым пирамидам, а
размерам превосходит их. Темные
точки окон кажутся основой тысячелетий
на пустынной трубе.

Для небоскребов, однако, такая
отдаленность оказывается листи-
ческой на ветеранской земле.

Парк-авеню с океаном и ослепительной
красотой четырехсотметровым младенцем,
невидимым оттаром, открытым отаром.

Архитектура — это вершина куль-
турных достижений капиталистиче-
ской Америки.

Расцвет архитектурных стилей
связан с периодами материального
прогресса и превращением их из кон-
структивных систем в орнамент.

Их всех несправедливо превосходит
столица Соединенных Штатов.

